

Раньше случалось, — ответила Юэ-эр. — Ты же знаешь, это место некогда было обителью самого старого господина.

Ань Лэ бросило в дрожь, внезапно предчувствуя, что история предстоит дурная.

— Вот только в одну из ночей четыре года назад все обитатели этой горной усадьбы погибли. Больше тридцати душ от мала до велика... Конечно, помимо старого господина, в живых остался разве что молодой господин Фан, о котором ни слуху ни духу — ни тела, ни следов.

Ань Лэ в ужасе вытаращила глаза: погибли все?! То есть... она жила в доме с призраками целых десять дней?!

— Юэ... Юэ-эр, а в той комнате, где я сейчас живу, раньше кто-нибудь жил? — Ань Лэ чувствовала себя как на иголках.

— Конечно жил! Раньше там была комната служанок. — Заметив беспокойство Ань Лэ, Юэ-эр решила, что наконец-то отыгралась. Уголки её губ недобро поползли вверх, и она ткнула пальцем в порог: — Вот, видишь? Прямо там. Раньше там жили три служанки, они там и погибли. Когда они упали, головы их были обращены наружу — должно быть, не успели выбежать из комнаты, как им в спину нанесли несколько тяжёлых ударов. А у одной и вовсе голова отлетела, глаза выкатились, смотрели во все стороны — воистину, умерла с открытыми глазами...

Лицо Ань Лэ побледнело, она тут же бросила палочки, полностью потеряв всякий интерес к двум тарелкам с мясом на столе.

Долго и боязно уговаривая себя, Ань Лэ наконец забыла об этом случае, но стоило ей с радостью собраться в ванную, как одежда пропала!

Ань Лэ вновь отчётливо вспомнила, что живёт в доме с призраками...

— Уважаемые сестрицы, не держите зла, не я хотела потревожить ваш покой, это ваша барышня заставила меня здесь поселиться. Я ничего не знаю! Если вы и впрямь нечаянно взяли мою одежду, пожалуйста... пожалуйста, верните её мне, я завтра же... Нет! Оденусь и сразу уйду! Что вам нужно, то я для вас и сожгу, согласны? — дрожа всем телом, Ань Лэ крепко зажмурилась, сложила руки лодочкой и непрестанно молилась. Забившись в кадку для купания, она боялась даже шевельнуться, страхась невзначай нащупать в воде отрубленную голову той самой сестрицы-служанки...

По идее, с такой толстокожей, как у Ань Лэ, ей бы полагалось быть непробиваемой для любых бед, но имелась у неё одна смертельная уязвимость.

Она панически боялась призраков.

Этим она была обязана своему старшему брату из прошлой жизни.

Будучи мальчишкой в переходном возрасте, он вполне естественно проявлял любопытство ко всяким там чувствам и любви — например, смотрел японские фильмы для взрослых, что тоже вполне можно понять, — вот только её братец был совершенно ненормальным! Он обожал фильмы ужасов! Причём встал на эту скользкую дорожку аж в восемь лет!

Поначалу, когда ему самому было страшно смотреть одному, он шантажом и уговорами заставлял свою ничего не понимающую младшую сестрёнку составить ему компанию. Когда же он наконец осмелел и стал смотреть в одиночку, то в хорошем настроении — подкупал сестру посмотреть вместе, а в дурном — принуждал силой. Короче говоря, он всю использовал свою превосходящую физическую силу и сладкие речи, чтобы тащить и волочить Ань Лэ на неверный путь просмотра ужастиков... В те годы Ань Лэ поистине не смыкала глаз: стоило ей только закрыть их, как она видела стоящих в изголовье мертвецов, которые непрерывно пускали на неё слюнки.

Тогда Ань Лэ решила держаться от брата подальше и с горькой обидой ступила на долгий путь получения образования. Ещё в детстве она умоляла родителей отправить её в школу-интернат как можно дальше от дома. Повзрослев, она бралась за две подработки в месяц, а заработанное тратила на обучение игре на девяти традиционных китайских музыкальных инструментах: изучала гун, изучала шан, изучала цзяо, изучала чжэн, изучала юй. Пять звуков передаются сквозь тысячелетия — как же это прекрасно!

В итоге она забыла, что и у школ, и у курсов бывают зимние каникулы!

И вот в первый день лунного года её снова в страхе усадили перед DVD с «Пилой 5», где она дрожала осиновым листом, одновременно глядя экран и рыдая.

Однажды Ань Лэ в присутствии брата одним мощным ударом кулака разнесла в щепки десять досок. Зрачки брата резко расширились, и до него наконец дошло, что его физическое превосходство больше не способно подавить жажду выживания младшей сестры. Горько рыдая, он наконец научился смотреть фильмы ужасов в одиночестве.

Прикрыв рот рукой, Ань Лэ чуть не расплакалась от умиления: деньги, потраченные на тхэквондо, ушли не зря; спасибо родителям за дарованное крепкое тело; спасибо тренеру за болезненное насаждение её упорства в раскалывании досок; спасибо той милой незнакомке на улице, что в своё время вручила ей листовку.

С сегодняшнего дня ей больше не придется смотреть фильмы ужасов!

Красоток лучше не трогать.

Надейся на себя, а не на других.

Успокоившись за время, равное одной шестой части благовонной палочки, Ань Лэ приняла тяжёлое решение. Она решила сначала завернуться в одеяло, а когда Юэ-эр принесёт еду, попросить её помочь отыскать одежду.

А что ещё оставалось делать? Кожа-то у неё толстая, но не щеголять же голой, укутавшись в ватное одеяло, повсюду прыгая!

Собравшись с духом, Ань Лэ резким движением выскочила из кадки, в два счёта вытерлась насухо, а затем молниеносно распластала перед грудью полотенце, едва прикрывавшее спереди и совершенно ничего — сзади. Кривляясь и изгибаясь, словно краб, она бочком выплыла из-за ширмы.

Но она никак не ожидала, что пропажа одежды станет лишь началом её злоключений.

Выйдя наружу, Ань Лэ с ужасом обнаружила, что беда не приходит одна: створки окна за её спиной почему-то оказались распахнуты, а плотно запертая дверь неизвестно кем открыта — обе створки так и болтались в неопределённом положении: то ли закрыты, то ли открыты, а от дуновения ветра ещё и жалобно скрипели. Зрелище было поистине унылым!

У Ань Лэ от этого зрелища волосы на голове встали дыбом — ей вдруг померещилось, будто кто-то только что приседал под окном и от начала до конца глазел на её купание! От этой мысли её прошиб ледяной пот.

Забыв о всяких приличиях и страхах, Ань Лэ, прихватив своё маленькое полотенце, стрелой бросилась закрывать окно.

В конце концов, окно выходило прямо на дровяной сарай, а Ань Лэ вовсе не улыбалось, чтобы Юэ-эр, выйдя из сарая с охапкой дров, увидела что-то неподобающее и на всю жизнь заработала ячмень на глазу. Она не хотела быть эксгибиционисткой! Она же жертва обстоятельств! Сердце Ань Лэ ушло в пятки.

Плотно затворив створки и опасаясь, как бы кто-нибудь не ворвался внутрь, Ань Лэ, в оба глядя по сторонам и прислушиваясь к каждому шороху, осторожно зашагала к выходу.

Скрипя зубами, она подумала: кто бы ни посмел явиться перед ней в эту минуту, она будет биться с ним насмерть! Во всей усадьбе всего два человека да одна толстая обезьяна, неужели ей выпадет шанс сорвать такой редкий куш — сойтись в вероятности меньше блошиного помёта?

Однако факты доказали: её невезение было именно таково...

— Почему это дверь открыта? Неужели её нет в комнате? — раздался мягкий голос, звучавший слегка озадаченно и нерешительно, после чего дверь тихонько отворилась.

Дверь отворилась...

Отворилась...

Зрачки Ань Лэ сузились, и она воочию увидела, как в поле её зрения всплывает нежно-лиловый силуэт.

Твою мать! Она что, передвигается по воздуху?! Почему совсем нет шагов?!

— А-а-а!! Не входи! Не смей входить!! — опомнившись, Ань Лэ в панике замахала руками, завопив изо всех сил.

Но было уже поздно: обаятельная женщина в лиловом платье уже стояла перед ней с отвисшей от удивления челюстью.

Что толку от этого жалкого полотенце, даже если расправить его целиком? Так что Му Цинъянь без труда во всех подробностях узрела открывшуюся перед ней картину, а её глаза не скрывали абсолютного шока — вероятно, она и сама не ожидала, что заявится так не вовремя.

— Конец... Моя девичья честь! — мысленно рухнув на колени, Ань Лэ зарыдала, обхватив голову руками.

Растерянно сжимая полотенце, она не знала, куда деться: шагнуть влево — нельзя, шагнуть вправо — тоже, оставалось лишь замереть на месте с мёртвым сердцем.

Хрусь-хрусь, — ожесточенно хрустя шеей, она повернула голову в сторону кровати.

Хрусь-хрусь, — столь же деревянно повернула голову обратно к стоящей перед ней красавице.

У Ань Лэ ушло ровно долю секунды на оценку: что ближе — Му Цинъянь или та постель с одеялом? Ответ был очевиден — Му Цинъянь у порога.

Ань Лэ опустила голову, мысленно прощаясь с жизнью на три секунды.

...Надеюсь, та не решит отбросить её ударом ноги.

В следующую секунду Ань Лэ с напором горного тигра бросилась на Му Цинъянь.

Зачем? Разумеется, прижаться к Му Цинъянь как можно плотнее, чтобы уменьшить площадь собственного обнажённого тела, выставленного на её обзор!

Кто просил её заявляться в такой момент? Неужели нельзя было прийти позже?!

— Знаю, это очень дерзко, но прошу, подыграй мне: подними голову, выпяти грудь, под... да ладно, просто закрой глаза, премного благодарна! — убиваясь от горя, Ань Лэ мёртвой хваткой вцепилась в Му Цинъянь, намертво уткнувшись лицом ей в шею и не смея поднять взгляд — поистине в стиле «закрывать уши при звоне колокола».

Как ей смотреть в глаза человеку в такой неловкой ситуации?! Она ведь всё ещё невинная девушка! И её вот так разглядели! Помимо жуткого стыда, её снедала дикая обида!

Столкнись она сейчас с каким-нибудь мужчиной, хоть это и было бы смертельно унизительно, она хотя бы могла заставить его жениться под благовидным предлогом, содрать с него пару сотен тысяч лянов золота, а потом велеть своим людям скрутить его и отправить куда Макар телят не гонял, чтобы больше никогда не виделись. И ей хорошо, и ему неплохо — разве не идеальный вариант?

Но беда в том, что её полностью обнажённую разглядела женщина! Разве та обязана нести ответственность? Нужна ей эта ответственность? Всё, что есть у той, есть и у неё самой — разве можно бессовестно требовать компенсации?

Однако, при всей своей простоте, она не обладала такой степенью безумия, чтобы разгуливать голой на радость публике, верно?

Ань Лэ чувствовала себя до крайности униженной, застенчиво заливаясь краской до самых мочек ушей.

Му Цинъянь почувствовала, как перед глазами мелькнуло, а на теле прибавилось тепла от чужого присутствия, к тому же девица сдавила её так крепко, что та едва не задохнулась. Вообще-то она вполне могла оттолкнуть наглую гостью. Но пока Ань Лэ бормотала свои слова, Му Цинъянь стояла в оцепенении, не в силах прийти в себя: в её голове неотступно крутился внезапно запечатлевшийся на сетчатке ошеломляющий образ —

То была девушка лицом ничуть не уступающая ей самой. Её некогда собранные наполовину волосы распустились, и смоляные пряди лениво лежали на груди и спине. Из-за её внезапного появления на утончённом лице застыло крайнее испуганное выражение. Кожа незнакомки была подобна нефриту, казалось, дунь — и растает, фигура — высокая и худая, да, именно высокая и худая... И хотя самые интимные места были кое-как прикрыты зажатым в руке полотенцем, в целом не составляло труда заметить, что выдающимися формами та явно не обделена: ни спереди, ни сзади ничего не выступало. К тому же, судя по её восемнадцати-девятнадцати годам, об изгибах песочных часов в этой жизни ей можно было только мечтать.

При этой мысли Му Цинъянь сочувственно покачала головой.

Румянец на её прекрасном лице не продержался и трёх секунд, полностью сменившись едва

заметной игровой усмешкой в уголках губ:

— Ань-гунян, и что же вытворяете?

Му Цинъянь не только сейчас узнала, что Ань Лэ — женщина. Еще тогда, принеся её обратно и проверяя пульс, она всё поняла, а потому ничуть не удивилась тому, что Ань Лэ обнажила перед ней своё истинное лицо, её шокировал лишь крайне неподходящий момент.

Будь на её месте какой-нибудь едва знакомый мужчина, посмевающийся вот так её обнять, она бы непременно стёрла его в порошок. Но если речь шла о перепуганной девчонке... впрочем, понимание пониманием, но это вовсе не значило, что Му Цинъянь позволяла кому попало виснуть у себя на шее, даже если та была представительницей слабого пола.

Ощущая горячее дыхание на своей шее, Му Цинъянь слегка напряглась, внезапно почувствовав себя неудобно, и подняла руку, намереваясь оттолкнуть Ань Лэ.

— Не двигайся, — взмолилась та.

Но тут же её тон снова стал жестким.

— Моя одежда пропала, — угрюмо буркнула Ань Лэ. — Если только попадетсЯ тот, кто её утащил и из-за кого я опозорилась, я прикончу гада!

Разумеется, при условии, что этот мерзавец ещё ходит по земле... Вспомнив слова Юэ-эр, Ань Лэ была готова заплакать от безысходности.

Му Цинъянь, то ли решив пойти ей навстречу, то ли из вредности, затихла.

Ань Лэ вдруг сообразила, что прижалась к незнакомке слишком плотно, и неизвестно, послушалась ли её Му Цинъянь. Хоть ростом они и были примерно равны, Ань Лэ совершенно не была уверена, видит ли прислонившаяся к её плечу Му Цинъянь то, что ниже её спины. Поразмыслив и всё ещё не доверяя сопернице, она исподтишка перевела полотенце назад — благо, Му Цинъянь всё равно не видела её спереди. Сейчас она застыла в весьма странной позе: одной рукой крепко обнимала Му Цинъянь, а другой держала полотенце за спиной.

Чего только не сделаешь ради выживания, жизнь не сахар! — обиженно скривила губы Ань Лэ.

Му Цинъянь заметила её осторожные манипуляции, и её прелестные глаза тут же изогнулись в полумесяцы. «А эта девица и впрямь забавная~» — подумала она.

В ней тотчас разыгралось желание поддразнить занемевшую гостью.

— Ты... ты закрыла глаза? — на всякий случай переспросила Ань Лэ.

— Ни капельки~~~ — максимально лениво и расслабленно ответила Му Цинъянь. — С какой стати мне их закрывать? Раз уж мы обе женщины, разве есть что-то такое, чего мы не видели?

Подразумевалось: всё, что есть у тебя, есть и у меня, а чего нет у тебя — у меня тоже имеется.

При этой мысли Му Цинъянь лукаво изогнула губы, испытывая немалое удовлетворение от зрелища постепенно багровеющих ушей собеседницы.

Ань Лэ чуть не плакала.

Твою ж! Разве не говорили, что древние люди все сплошь целомудренные?! Что за ситуация с этой бесстыжей женщиной, которая фору ей даст?!

.....Подожди у меня! Лучше молись всем богам, чтобы я однажды не застала тебя за купанием! Иначе, иначе...

Простите... Иначе ничего не выйдет, у неё просто не хватит совести пялиться на голое тело другой девушки столь же бесцеремонно.

Уткнувшись лицом в чужое плечо, Ань Лэ невольно скользнула взглядом по белоснежной и нежной шее женщины. В ноздрах отчётливо повеяло необычайно приятным ароматом благовоний, и в сочетании с только что промелькнувшей мыслью в её воображении ярко встал образ абсолютно обнажённой Му Цинъянь, излучающей соблазнительную негой... Отчего-то её щеки запылали ещё сильнее.

Красавицы — самые загадочные существа на этом свете. Они не используют ни мечей, ни алебард — им достаточно лишь бросить взгляд или улыбнуться, чтобы сразить наповал десяток воров на десяти ли пути.

Что уж говорить о внешности Му Цинъянь, способной разорять целые государства и губить города — поддаться такому невидимому очарованию было вполне закономерно.

Ань Лэ нашла оправдание своему мимолётному помутнению рассудка.

Но быстро взяла себя в руки.

— Му-гунян права, но не могли бы мы сменить место для беседы? — заискивающе улыбнулась Ань Лэ, пытаясь скрыть раздражение. — Стоять так утомительно, может, посидим на моей кровати?

Вот завернусь в одеяло, и тогда я вам...

Строя грандиозные планы, Ань Лэ мысленно сжала кулаки.

— Правда? А вот Цинъянь считает, что здесь куда прохладнее~ — усмехнулась Му Цинъянь, лукаво прищурившись.

Хрусь!

Было отчётливо слышно, как у кого-то вдребезги разбилось сердце.

Даже дураку было очевидно, что эта женщина бессовестно издевается над ней!

Хотя... что такого она сделала-то?

Ладно, она распустила руки...

Да, в пылу паники она полезла обниматься...

Но подумаешь, обняла разок, от этого же не беременеют! Она ведь тоже девчонка, и к чему теперь эта месть? Если посудить, то внакладе осталась она сама, верно? А уж если говорить о бесцеремонности, по сравнению с тем, как эта женщина таращилась на неё, не моргая и глазом, её собственный поступок — просто детский сад! Ань Лэ мысленно искусала шёлковый платочек от злости.

Ань Лэ всегда считала, что благородные девицы должны быть нежными, кроткими и понимающими — как, например, её вторая сестра.

Она наивно полагала, что стоящая перед ней женщина такая же, начисто забыв о том, что та — настоящая лисица-соблазнительница. Как говорила мать Чжан Уцзи, красивым женщинам верить нельзя.

И это чистая правда! Мало того, что верить нельзя, так у неё ещё и характер мерзкий!

Спокойно, ей нужно успокоиться... Вдох, выдох, вдох, выдох.

Обретя душевное равновесие, Ань Лэ заговорила ровным голосом:

— Ты понимаешь, в каком я сейчас положении?

— Угу, судя по возможности так непринужденно сверкать голой грудью перед всеми, полагаю, одежда потерялась? — Му Цинъянь слегка прищурила узкие глаза.

У Ань Лэ перехватило дыхание: догадалась с полуслова, не ты ли часом её умыкнула?!

Нет-нет, она не может так прямо её обвинять — доказательств-то нет, а если эта женщина затаит обиду и начнет строить козни, будет только хуже. Нужно зайти издалека...

— А знаешь, чего мне сейчас хочется больше всего на свете? — сжав зубы, продолжила допрос Ань Лэ.

— Найти какую-нибудь одежду или предмет, способный прикрыть твоё тело? — губы Му Цинъянь тронула усмешка. Она думала о том, что её собственные служанки вечно ходят с глупым видом и дразнить их неинтересно, а тут такая удача сама идёт в руки — грех упускать шанс насладиться досугом, спешить некуда.

Ань Лэ прошипела сквозь зубы: — И после этого ты смеешь говорить мне, что здесь прохладно?! Всё, с меня хватит! Либо ты помогаешь мне доковырять до кровати и завернуться в одеяло, либо я срываю с тебя платье по кусочку и надеваю на себя! Выбирай сама!

Ишь ты, вздумала издеваться, вздумала трепать ей нервы! В конце концов, в наше время каждый второй — домашний тиран, с какой стати кому-то позволять садиться себе на шею?!

..... Улыбка на лице Му Цинъянь мгновенно увяла.

Эта девица... поистине бессовестна!

Хотя она была уверена, что не позволит Ань Лэ одержать верх, но даже между двумя женщинами публичное стаскивание одежды друг с друга выглядело бы крайне неприглядно, а воспитание семьи Му ни за что не позволило бы ей опуститься до подобного.

Как бы сильно Му Цинъянь ни противилась душой, ей пришлось отступить.

провозившись добрую половину дня, Ань Лэ наконец-то благополучно закуталась в одеяло.

— Ну раз всё в порядке, тогда Цинъянь позвольте откланяться, — многозначительно глянув на Ань Лэ, Му Цинъянь собралась на выход.

Но разве всё могло кончиться так просто?

Укутанная в одеяло Ань Лэ не спеша протянула из кокона ручонку и ухватила её за краешек

широкого рукава.

— Ань-гунян, что на этот раз? — нахмурилась Му Цинъянь.

— Женская честь — штука важная, не так ли? — улыбнулась Ань Лэ с тайным злорадством.

После таких вопросов ничего хорошего ждать не приходилось.

Му Цинъянь приподняла бровь: — И что с того?

— Меня только что разглядели голой... — поджав губы, Ань Лэ скорчила мину, красноречиво говорящую: «Ты прекрасно знаешь, что нужно делать».

Судя по этому полному глубокого смысла взгляду, Му Цинъянь смутно догадалась, чего именно добивается её собеседница. Она не мужчина, замуж за неё, ясное дело, идти не нужно, неужели та потребует денег?

Или, может, эта девица действительно с умыслом подобралась к ней поближе под таким благовидным предлогом, а на самом деле преследует какие-то иные цели?

В глубине глаз Му Цинъянь мелькнула и скрылась тень опасного огонька.

Каким бы ни был результат, она не позволит этой нагличке добиться своего.

Она решила потянуть время и поиграть с ней в кошки-мышки.

— Неужели Ань-гунян намекает, что Цинъянь тоже должна пожертвовать своей скромностью ради вас? — прищурившись, промурлыкала Му Цинъянь мягким, полным очарования голосом.

— Я такого не говорила... — насторожилась Ань Лэ и живо выпрямила спину.

Сейчас она походила на сторожевого пса, который при малейшем шорохе в ночи тотчас наостряет оба уха.

Эта Му Цинъянь — штука куда сложнее, чем казалось, — в панике думала Ань Лэ, чувствуя знакомый сигнал тревоги. Она отчетливо осознавала, что Му Цинъянь и тот пресловутый князь Сянь — одного поля ягоды: обе улыбаются как хитрые лисы, улыбка на устах фальшива, а за ней скрывается нож, и хоть с виду всё так солнечно и прекрасно, на деле тебя непременно попытаются загнать в ловушку.

— Извинения! Я требую извинений! Разве ты не должна передо мной извиниться?! — во весь

голос закричала она.

И всё? Вот так просто?

<http://bllate.org/book/21755/2249617>